

УДК 821.161.1(091)

М.Э. Шульгун

СОВРЕМЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА ПУТЕШЕСТВИЙ: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Цель настоящей статьи – очертить возможные направления изучения современных путешествий в контексте проблем теории и динамики метажанра.

Дискурс путешествий включает необычайно разнообразные тексты: от тех, что не претендуют на художественность, до ярчайших явлений мифологии, фольклора, шедевров мировой литературы, ставших архетипическими моделями, концептуальными матрицами для дальнейших поисков, абсолютными и вечными образцами подобного типа произведений, вошедшими в ядро культурной памяти («Одиссея», «Рамайяна», «Божественная комедия» и др.). Он вбирает и романы «большой дороги», по определению М. Бахтина, (например, «Мертвые души»), а также присоединяет промежуточные формы, демонстрирующие интенции литературы к эксперименту, жанровому и видовому синтезу, поиску нового языка интерпретации реальности, культурных перемен.

Это разнообразие дискурса при его единстве и целостности, сущность которых еще предстоит определить, особенно в условиях современного меняющегося мира, ученые отмечают, подчеркивая необходимость поисков новых подходов к изучению явления. Центральной становится проблема определения рамок предмета изучения, выделение системообразующих черт, которые обеспечивают целостность феномена, а также выявление векторов новаторского экспериментирования. Возможно, решение подобных задач с учетом специфики пограничного характера дискурса и его всепроникающих интенций потребует использования новых методик. Эта мысль посещает исследователей, акцентирующих разнообразие текстов, составляющих дискурс, а также изменение интерпретаций, динамику самой оппозиции художественного / нехудожественного в современном искусстве.

Так, например, проанализировав новейшие литературоведческие, культурологические исследования и, в частности, постколониальный, антропологический, постструктуралистский аспекты изучения травелогов в американской литературе, А. Сорочан отмечает очевидную связь динамики культуры, расширения границ эстетического, смены восприятия, интерпретации текстов с развитием путешествий, появлением гибридных форм, требующих новых, возможно, междисциплинарных подходов к явлению. «Это не связано только с формированием культур туристических; литература путешествий и в предшествующие эпохи куда более разнородна в культурологическом отношении. В кембриджском путеводителе по литературе путешествий рассматриваются и научные отчеты, становящиеся поэмами, и коммерческие сводки, построенные по принципам «логистики», и

неоимперские публицистические рассуждения. Все это делает травелоги знаковым жанром, определяющим и пределы национальной идентичности, и пределы знания вообще <...>» [15, с. 11]. То есть литература путешествий, отражая сложное взаимодействие различных дискурсов, языков культуры, может рассматриваться как показатель сдвигов в данной области и изучаться при помощи комплексных подходов. При этом исследователь отмечает и неравномерность изученности феномена в разных литературах, в частности, недостаточную научную освещенность специфики и своеобразия травелогов в русском искусстве слова. Следует признать, что выработка комплексного подхода к данному феномену – пока дело будущего.

Ученые пытаются дать объяснение разнообразию дискурса странствий, его подвижности. Так, исследователь жанра путешествий в русской литературе XII-XIX вв. В. М. Гуминский объясняет эти качества особой близостью жанра к действительности. По мнению ученого именно произведения этого типа испытывали наибольшее воздействие внелитературных факторов, «что определило большую способность <...> сообщаться с действительностью. А это, в свою очередь, приводило к актуализации жанра путешествий во все переходные периоды литературного развития, поскольку он начинал восприниматься как наименее условные способы освоения по-новому увиденной жизни» [3, с. 178].

Соглашаясь с замечанием о расцвете жанра в переходные эпохи и подчеркивая неразработанность данного аспекта, отметим, что близость к действительности и использование «наименее условного способа» ее освоения характеризуют лишь часть произведений, те, что описывают реальные маршруты. Другая же ветвь путешествий – странствия по воображаемым мирам демонстрирует иные векторы поиска. Да и сама реальность может восприниматься по-разному, например, в мифологической, христианской средневековой, карнавальной, научной картинах мира.

Но при этом целостность дискурса обеспечивает общее начало: отражение в путешествиях (реальных, воображаемых, иронично-пародийных и др.) с использованием специфического символического кода, с одной стороны, универсальной модели мира, а с другой, ее сдвигов, динамики и, наконец, литературных и общекультурных рефлексий этих явлений, часто кодируемых знаками «странствий», поисков новых интерпретаций.

Так, универсальная модель мира реализована в странствиях, которые описаны в мифах и сказках, в средневековых хождениях, части путевой прозы XVII-XIX столетий. Это обусловлено связью дискурса с базовой категорией модели мира – пространством, а также с мотивами испытания, инициации, характеризующими культурного героя. При этом сюжет странствий, сам знак «путь» высвечивают разнообразные параметры этой модели мира. Именно путешествие является важнейшим сюжетным ходом мифов о культурных героях, «совершающих свои подвиги как бы по пути странствий <...> Архаические представления о пространстве, в частности,

роли пути в освоении пространства и в становлении героя (как субъекта странствия) надолго пережили мифопоэтическую эпоху» [16, с. 341].

Уже в мифологической картине мира сложились те типы пути, которые стали порождающей матрицей для литературы путешествий в дальнейшем, давая свободу иным, новейшим интерпретациям. Это и горизонтальные странствия (к сакральному центру или, напротив, «чужой и страшной периферии, мешающей соединению с сакральным центром» [17, с. 352]), это и путь в «нижний мир», «в царство смерти, куда отправляются не только с целью приобрести некий избыток (например, живую воду, дающую вечную жизнь и юность), но и для компенсации утраченного (например, вернуть жизнь умершему). Ср. разные версии таких путешествий (Инанны, Гильгамеша, Орфея, Одиссея, Энея, хождение богородицы по мукам)» [17, с. 352]. Это и путь вверх, проделываемый героем, посвященным или же совершаемым в воображении обычным человеком. В качестве особого вида пути выделяется «безблагодатный», обрекающий на вечное испытание (судьба Агасфера) или же «затрудненный» – лабиринт. Наконец, ученые в качестве отдельного типа называют метафорическое прочтение мифологемы пути «как обозначения линии поведения (особенно часто нравственного и духовного) как некоего свода правил, закона, учения» [17, с. 352-253], примером чему является семантика пути в буддизме. Актуальной задачей может быть изучение модификаций этих типов странствий в современной литературе, объяснение причин актуализации и изменения семантики конкретного типа (например, «лабиринта», «странствия без цели» в искусстве постмодернизма), отслеживание связи с конкретными художественными стилями и направлениями, выявление синтетических форм.

Научной рефлексии подвергнуты модификации мифологической универсальной картины мира, кодированной знаками странствия, в творчестве отдельных писателей. Так, например, А. И. Иваницкий в системе архетипов Гоголя выделяет центральный – олицетворенную землю, он же, в свою очередь, тесно связан с соотнесенными друг с другом авторскими интерпретациями вечных архетипов дома и дороги, у классика они приобретают специфическую семантику «живого строения» (оно «выступает орудием мороки – ухода в глубины земляного тела и выхода снова в другом месте. Метафора осуществляется за счет осуществления метонимической связи») [5, с. 256], «живой дороги» (люди с ней связаны «везде и нигде» – всегда при социуме, но без своего места в нем» [5, с. 258], специфическую, тревожную семантику усиливает знак «собака» как атрибут дороги: «Проезжая дорога – пространство собак. Собака – знак отверженности, никчемной подвижности «вокруг да около». <...> Собачье лицо дороги говорит о том, что эта дорога ведет в никуда» [5, с. 258-259]). Таким образом, традиционная символика пути как испытания получает дополнительные смыслы, в данном случае, приобретает инфернальные черты (кружение) и усиление семантики заброшенности, а также смысла перехода,

преобразований. Отметим, что в таком же ключе интерпретирован Ю. Манном знак «чудной» экипаж» в произведениях Гоголя [9, с. 114].

Заметим, что как раз эта высокая семантизация кода странствий, пути и способность легко взаимодействовать с другими дискурсами и семантическими системами является следующей причиной широты и универсальности дискурса путешествий.

Код странствий входит в более универсальные знаковые комплексы, соотносится с базовыми оппозициями модели мира (например, «дом» / «дорога») с их наиболее общей семантикой и модальностями (скажем, те же знаки «дом» и «дорога» связаны с оппозицией «космос» / «хаос», «свое» / «чужое», «сакральное» / «профанное», «инфернальное» и др.).

В мифологической картине мира странствие вбирает в себя сакральные смыслы, связывается с базовыми категориями «космоса» и «хаоса» (испытания пути трактуются именно так), «жизни» и «смерти», границ между ними. Оно знаменует, как указывает М. Маковский, «прохождение души умершего пути в загробный мир», что отразилось в индоевропейских языках: «ср. алб. *udha* «дорога, путь», но осет. *udd* «душа», нем. *Spur* «тропа», но нем. *spiro* «дышать» («душа»); русск. *путь*, но англ. *part* «тяжело дышать» [8, с. 274]. Отмечается также амбивалентность модусов: от трагического, страднического до творческого: «Интересно, что дорога, путь (в загробный мир) были символами судьбы, страдания, боли (символика дороги совпадает с символикой волоса)», но в то же время «переход из телесной оболочки в «царство теней» отражает божественную мудрость и ведет к благоденствию души на пути ее вселенских странствий <...> Значение «путь» может соотноситься со значением «Звук» (творящее божество)» [8, с. 274].

Особое значение, особенно в определенные периоды развития общества и литературы приобретает тот факт, что именно в путешествиях наиболее ярко высвечивается базовая оппозиция модели мира «свое» / «чужое». Странствие в иные земли, страны дает пищу для размышлений повествователя и читателей о своеобразии, даже сакральности или, напротив, недостатках своей земли. Этот аспект становится особенно востребованным в периоды становления, укрепления, пересмотра, обсуждения национальной идентичности. Например, показательны рассуждения повествователя в хождении XV века и тот факт, что высказывая «крамольную» мысль о недостатках своей страны, Афанасий Никитин ее шифрует. «О неортодоксальности воззрений Афанасия Никитина свидетельствует и одно из наиболее известных мест «Хождения», – то, где высказывается его любовь к Русской земле. Сравнивая между собой разные области – Севастию (греческое поселение в Малой Азии), Гурзыньскую (Грузию), Турскую Волосскую (Молдавскую), Подольскую (украинскую область Польско-Литовского государства) земли, Никитин записал далее «А Русь ...» и перешел на тюркско-персидский язык: «Бог да сохранит! Боже, храни ее! На этом свете нет страны, подобной ей. Но почему князя в Русской земли не

живут друг с другом как братья? Пусть устроится русская земля, а то мало в ней справедливости. Боже, боже, боже, боже!» (Л.л. 453 об. – 454)» [7, с. 83-84]. Данный аспект познания и остранение «своего» через «чужое» получил развитие во многих русских путешествия XVIII–XIX веков («Письмах из Франции» Д. И. Фонвизина, «Письмах русского путешественника» Н. М. Карамзина, «Путешествии на гору Цютенберг» и «Письме В Отечество из Селезии» Д. Шелехова, «Отрывке из письма о Саксонии» В. А. Жуковского, «Фрегате «Палладе» И. А. Гончарова и др.). О высокой степени традиционализации данного аспекта свидетельствует и появление стилизаций, пародий на записки иностранцев о России и даже мистификации, то есть обыгрывание данной функции путешествий, а также векторов искажения национального имиджа, остранение взгляда «со стороны» («Письма и записки» Адель Омер де Гилль, подделанные в 1880-х гг. П. П. Вяземским (подробнее см. [13]. Модели, стратегии создания имиджа «своего» и «чужого» в литературе, отражение явления в различных формах рецепции, исторический срез феномена сейчас активно изучаются в рамках раздела компаративистики – имагологии, при этом роль путешествий в формировании и функционировании данных явлений неизменно подчеркивается ([11], [14], [2], [4], [16], [17] и др.).

Как видим, всепроникаемость кода путешествий, привлекая внимание исследователей на уровне дискурса и неуловимых границ жанра в художественной литературе, проявляется и на уровне других семантических систем – языка, концептов, мифологической картины мира в целом, а это актуально и для искусства слова XX века, в котором активно проходят процессы ремифологизации, на что указывается, в частности, в классических работах Е. Мелетинского [10].

Код путешествий, входя в другие семантические системы разных уровней расширяет рамки собственных интерпретаций и смыслы самих этих систем. В результате «путешествие» также воспринимается как базовый знак: «Универсальный символ изменения или развития, нашедший выражение в бесчисленных мифах, легендах, в которых герой предпринимает путешествие, связанное с физическими и моральными испытаниями» [18, с. 297].

Отметим, что интенция к символизации, связи с базовыми смыслами модели мира содействовала философскому, религиозному, программно-эстетическому наполнению литературных путешествий в различные эпохи: от античных мениппей, где символические странствия служили способом испытания идей (в частности, «Менипп, или Путешествие в загробное царство» Лукиана [1, с. 414]) до средневековых хождений, фантастических странствий романтиков в иные миры, описаний «географии» собственной души в «сентиментальных путешествиях», блужданий в виртуальных пространствах и кодах культуры у постмодернистов. По меткому замечанию Ю. Лотмана, акцентирующему внимание на повышенной семантизации кода странствий, «география исключительно легко превращается в символику.

<...> асимметрия географического пространства и тесная связь его с общей картиной мира приводят к тому, что оно и в современном сознании остается областью семантического моделирования» [6, с. 249].

Выводы. Широту и разнообразие дискурса путешествия при сохранении его целостности и единства обеспечивают несколько факторов. Во-первых, это отражение в нем важнейших параметров картины мира во всех возможных модификациях (от мифологической, религиозной, художественной на разных этапах динамики, научной и др. до современной переходной, постмодернистской и постпостмодернистской). Во-вторых, высокая семантизация знакового кода путешествий, задействованность его знаков в разливных системах и превращение самого странствия в универсальный знак поиска и перехода, а также рефлексии данных процессов. Подобная универсальность кода и базовых составляющих модели мира путешествия вызывают необходимость использования при их изучении комплексных подходов литературоведения (в частности, аспектов генологии, жанрового синтеза, связи жанров и типов художественного мышления, проблемы пересмотра категорий «художественное» / «нехудожественное», закономерностей развития переходных и промежуточных форм, компаративистики), мифопоэтики, культурологии. Актуальной задачей остается исследование того, как актуализированный переходной эпохой метажанр литературного путешествия фиксирует кардинальные культурные сдвиги современности и служит способом рефлексии перемен. В рамках ее решения необходимо отследить именно современные модификации базовых моделей и типов путешествия.

Литература

1. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. – М., 1965. – 453 с.
2. Гро Д. Россия глазами Европы // Дружба народов. – 1994. – №2. – С. 171-185.
3. Гуминский В. М. Проблема генезиса и развития жанра путешествий в русской литературе. Дис. Канд. филол. наук. – М., 1979. – 184 с.
4. Ерофеев В. Ни спасения ни колбасы (Заметки о книге Маркиза де Кюстина «Россия в 1839») // Ерофеев В. В лабиринте проклятых вопросов. – М.: 1996. – С. 580-590.
5. Иваницкий А. И. Архетипы Гоголя // Литературные архетипы и универсалии / Под ред. Е. М. Мелетинского. – М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2001. – С. 248-292.
6. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. – М.: «Языки русской культуры», 1999. – 464 с.
7. Лурье Я. С. Русский чужеземец в Индии XV века // Хождение за три моря Афанасия Никитина / Издание подготовили Я. С. Лурье и Л. С. Семенов. – Л.: Изд-во «Наука», Ленинградское отделение, 1986. – С. 61-87.

8. Маковский М. М. Путь // Маковский М. М. Сравнительный словарь мифологических символов в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов. – М.: Гуманит. Изд. Центр ВЛАДОС, 1996. – С. 274-276.
9. Манн Ю. В. Поэтика Гоголя. М., 1978. – 398 с.
10. Мелетинский Е. М. Миф и двадцатый век // Мелетинский Е. М. Избранные статьи. Воспоминания / Отв. ре. Е. С. Новик. – М.: Российск. гос. гуманит. Ун-т, 1998. – С. 419-428.
11. Наливайко Д. С. Очима Заходу. Рецепція України в Західній Європі ХІ-ХVІІІ ст. – К.: Основи, 1998. – 578 с.
12. Орехов В. В. Русская литература и национальный имидж. (Имагологический дискурс в русско-французском литературном диалоге первой половины ХІХ в.) – Симферополь: АнтикВА, 2006. – 608 с.
13. Орехов В. В. Миф о России во французской литературе первой половины ХІХ века. – Симферополь: ОАО «Симферопольская городская типография (СГТ)», 208. – 200 с.
14. Россия ХVІІІ в. глазами иностранцев. – Л.: Лениздат, 1989. – 544 с.
15. Сорочан А. Туда и обратно: новые исследования литературы путешествий и методология гуманитарной науки // НЛО. – 2011. – №112. – С. 353-356.
16. Топоров В. Н. Пространство // Мифы народов мира. Энциклопедия. – Т.2. – М.: Советская энциклопедия, 1992. – С. 340-342.
17. Топоров В. Н. Путь // Мифы народов мира. Энциклопедия. Т.2. – М.: Советская энциклопедия, 1992. – С. 352-353.
18. Тресиддер Джек. Путешествие // Тресиддер Джек. Словарь символов / Пер. с англ. С. Палько. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 1999. – С. 297.

Анотація

Наявна стаття є спробою окреслити можливі напрямки вивчення сучасного дискурсу подорожей у контексті проблем теорії й динаміки метажанру. Це дозволить зрозуміти розмаїтість дискурсу при його єдності й цілісності, сутність яких ще має бути визначена, особливо в умовах сучасного мінливого світу. Висвітлюється центральна проблема визначення рамок предмету вивчення, виділення системостворюючих рис, які забезпечують цілісність феномену, а також виявлення векторів новаторського експериментування.

Ключові слова: дискурс, жанр подорожей, травелоги, символіка, код, семантизація, інтерпретація, рефлексія, метажанр.

Аннотация

В статье предпринимается попытка очертить возможные направления изучения современных путешествий в контексте проблем теории и динамики метажанра. Это позволит понять разнообразие дискурса при его единстве и целостности, сущность которых еще предстоит определить, особенно в условиях современного меняющегося мира. Освещается центральная

проблема определения рамок предмета изучения, выделения системообразующих черт, которые обеспечивают целостность феномена, а также выявления векторов новаторского экспериментирования.

Ключевые слова: дискурс, жанр путешествий, травелоги, символика, код, семантизация, интерпретация, рефлексия, метажанр.

Summary

The paper attempts to outline possible areas of study of modern travel literature in the context of problems of theory and dynamics metagenre. This allows us to understand the diversity of discourse both in its unity and integrity, the nature of which remains to be determined, especially in today's changing world. It highlights the central problem of defining a framework of the object of study, the allocation of systematic features that ensure the integrity of the phenomenon and identify the vectors of innovative experimentation.

Key words: discourse, genre, travel, travelogues, symbols, code semantization, interpretation, reflection, metagenre.